

всего чаще истолковываются какъ увлеченіе легкомысленной молодости, совершенно покинутое и отвергнутое въ эпоху зрѣлой мысли. Г. Якушкинъ отрицаетъ и это очень распространенное положеніе: рядомъ свидѣтельствъ самого Пушкина и его сочиненій авторъ утверждаетъ, что Пушкинъ всегда оставался вѣренъ основнымъ идеямъ своей молодой поры, лишь видоизмѣнивъ ихъ выраженіе по обстоятельствамъ времени и сдѣлавшись оппортунистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Такія соображенія уже были высказываемы; но г. Якушкинъ дѣлаетъ новый подборъ фактовъ и даетъ своему взгляду столь категорическую форму, что вопросъ, кажется, долженъ наконецъ выйти изъ области спорныхъ предположеній къ прочному выводу.— Относительно статей о Радищевѣ, г. Якушкинъ въ первый разъ поставилъ дѣло ясно и въ сущности вѣрно. Замѣтимъ только одно: едва ли не былъ правъ тотъ критикъ, который находилъ, что Пушкинъ „перехитрилъ“. Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ же статьи Пушкина производили почти на всѣхъ новѣйшихъ критиковъ впечатлѣніе враждебныхъ Радищеву, почти совершенно отрицающихъ его историческую заслугу и вообще такихъ, гдѣ вынужденной уступкой являлись не порицанія, а похвалы. Послѣдній объектъ литературнаго произведенія есть все-таки читатель: мы видѣли, какое впечатлѣніе оставляли статьи Пушкина въ читателяхъ, не совсѣмъ неопытныхъ, какъ г. Анненковъ и послѣдующіе историки литературы, повторявшіе его сужденія. Необходимо было, разумѣется, разъяснить отсутствіе солидарности Пушкина съ г. Галаховымъ, Сухомлиновымъ, Порфирьевымъ и пр., но надо и согласиться, что статьи Пушкина, при всей ихъ важности по своему времени, все-таки по упомянутымъ обстоятельствамъ были неясны, а съ другой стороны, по существу, оставляли въ вопросѣ много темнаго—напр., его сторону историко-психологическую... Во всякомъ случаѣ, однако, статья г. Якушкина составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ разъясненіе нашего великаго поэта.

Не лишена интереса и другая статья, названная выше, въ заглавіи—о Пушкинскомъ „Демонѣ“. Воспользовавшись тѣмъ матеріаломъ, какой доставляютъ теперь рукописи Пушкина для объясненія многихъ подробностей его творчества, г. Поливановъ указываетъ связь „Демона“ съ другими произведеніями Пушкина и объясняетъ настоящее значеніе стихотворенія, которое прежде давало поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Мы думаемъ только, что было бы приличіе говорить другимъ тономъ о Бѣлинскомъ, который теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, все-таки остался лучшимъ объяснителемъ художественной стороны Пушкина,—тѣмъ больше, что, имѣя въ распоряженіи много новыхъ біографическихъ данныхъ и рукописи Пушкина,